

Лейтмотив рассечения и структура целого:
о двух «Футболах»

Олег Б. Заславский

*Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина,
Харьков, Украина, zaslav@ukr.net*

Аннотация. В статье показано, что в «Футболе» мотив рассечения не ограничивается сюжетом о Юдифи и Олоферне – это ключевой лейтмотив, который реализуется на самых разных уровнях текста. Это относится к структуре отдельных слов, «обрубанию» сюжета, соотношению образов и т. д. Игра в футбол использована Мандельштамом как объект с изначально присущим ему структурным дуализмом. Сюда относится разделение на две команды, двойное слово «футбол» и значимость двух языков сразу (в связи с английским происхождением игры и ее названия). Обнаружен целый ряд двуязычных англо-русских каламбуров, в том числе реализующих мотив рассечения. Соответствующие явления прослежены во «Втором футболе». Там на протяжении всего текста доминирует целостность двойных элементов, однако заканчивается он намеком на обезглавливание.

Ключевые слова: структура текста, декапитация, двуязычные каламбуры, Юдифь и Олоферн

Для цитирования: Заславский О.Б. Лейтмотив рассечения и структура целого: о двух «Футболах» // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2019. № 6. С. 216–228. DOI: 10.28995/2686-7249-2019-6-216-228

A leit-motif of dissection and a structure of the whole.
On two “Football”

Oleg B. Zaslavskii

*V. N. Karazin Kharkov National University,
Kharkov, Ukraine, zaslav@ukr.net*

Abstract. The article shows that in “Football” the motif of dissection is not restricted by the plot about Judith and Holofernes. It is a key leit-motif that is realized at different levels of the text. This concerns the structure of single words, “chopping off” the plot, correlation of images, etc. The football game is

used by Mandelstam as an object with a structural dualism, primordially inherent to it. This includes the division into two teams, double word “football” and the significance of two languages at once (in connection with English origin of the game and its title). The author finds a series of Russian-English bilingual puns including those that realize the motif of chopping off. The relevant phenomena are traced in “The Second Football”. There the text through its length is dominated by wholeness of the double elements, but it ends with a hint of decapitation.

Keywords: structure of text, decapitation, bilingual puns, Judith and Holofernes

For citation: Zaslavskii, O.B. (2019), “A leit-motif of dissection and a structure of the whole. On two ‘Football’”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 6, pp. 216-228. DOI: 10.28995/2686-7249-2019-6-216-228

Футбол

Телохранитель был отравлен.
В неравной битве изнемог,
Обезображен, обесславлен,
Футбола толстокожий бог.

И с легкостью тяжеловеса
Удары отбивал боксер:
О, беззащитная завеса,
Неохраняемый шатер!

Должно быть, так толпа сгрудилась,
Когда, мучительно-жива,
Не допив кубка, покатилась
К ногам тупая голова...

Неизъяснимо-лицемерно
Не так ли кончиком ноги
Над теплым трупом Олоферна
Юдифь глумилась...¹

1913

¹ *Мандельштам О.* Полное собрание сочинений и писем / Сост., подгот. текста и коммент. А.Г. Мец. М.: Прогресс- Плеяда, 2009. С. 289.

В структуре стихотворения значима параллель между футбольным поединком и библейским сюжетом об убийстве Олоферна Юдифью, которая отсекала ему голову. Дело здесь не ограничивается внешним сходством мяча и головы. В данной работе мы покажем, что отсечение головы является в произведении центральным лейтмотивом, который реализуется средствами самого текста на разных уровнях – от отдельных слов до композиции. Этот мотив вообще был довольно распространенным в русской культуре XX в. [Шиндин 1997, с. 220, 233, 244, 253]. В том числе свойствен он и поэзии Манделъштама [Шиндин 2000]. Однако нас он будет здесь интересовать лишь применительно к внутренней структуре данного стихотворения. При этом существенную роль играет английский язык, что приводит к характерным для Манделъштама двуязычным каламбурам. (Внимание к ним было стимулировано работой Г.А. Левинтона [Левинтон 1979] и затем вызвало целую серию работ на эту тему, где были обнаружены многочисленные примеры такого рода.) Значимость английского языка обусловлена происхождением игры и ее терминологией. При этом обильная двуязычная звуко-смысловая игра представлена в неявном виде, сама же Англия не упомянута ни разу [Акмальдинова, Лекманов, Свердлов 2014].

По замечанию Л. Гутриной, при выборе между разными вариантами «останавливается поэт именно на “обрубленном”, словно тело обезглавленного Олоферна, финале» [Гутрина 2009, с. 201–212]. Данное соответствие, бегло отмеченное Гутриной на одном примере, носит на самом деле ключевой характер. Уже имя героя, ставшего жертвой, в футбольном контексте выглядит как усеченное: «**Олоферн**» как результат отрубания «г» в слове «**гол**». Причем это касается начальных букв обоих слов, что в данном контексте соответствует голове. Кроме того, само рассечение в финале является двойным. Финал не просто обрублен и заменен многоточием. С одной стороны, очевидно напрашивающееся слово «враги» как бы отрублено от имеющегося текста. С другой стороны, оно «отрублено» и от последующего (отсутствующего) текста. Это связано с тем, что, в отличие от действий Юдифи, «враги» (даже если мысленно поместить это слово в текст) лишены предиката, он как бы отрублен от них. Более того, если понимать слово «враги» как относящееся к стану Олоферна, то возникает дополнительный фактор. Ясно, что они не могли «глумиться» над собственным полководцем – предполагается, что там были другие действия, которые и не попали в текст. (В черновике был вариант, в котором строка оканчивалась на «Юдифь глумилась и враги»². Но неслучайно же Манделъштам от него отказался.)

² *Манделъштам О.* Указ. соч. С. 289.

Так или иначе, подразумеваемое (но не приведенное) целое, которое было изувечено, отнюдь не представляло бы собой только лишь имеющийся текст плюс слово «враги». Несогласование между отсеченным словом «враги» и предшествующим текстом дает еще одно проявление двойного характера расщепления. «Враги» отделяются не только от имеющегося текста, но и от текста ненаписанного, где могла бы быть указана их реакция.

В ряде случаев в структуре текста проявляет себя еще один способ отсечения, связанный с соотношением части и целого. «Футбола толстокожий бог» – это, надо полагать, мяч, «обезображенный» многочисленными ударами. Но англ. ball – это сам по себе мяч. Получается, что в результате такого соотнесения целого и части половина, входящая в состав ключевого слова «футбол», как бы из него извлекается. В слове «отравлен» можно увидеть анаграмматически представленное указание на слова «ворота», «вратарь». При этом сочетание «врат» оказывается частью слова «отравлен»: идентификация телохранителя с вратарем получается путем извлечения части слова. Заметим еще, что называние вратаря телохранителем заставляет рассматривать охраняемые им ворота как тело. Но тогда мяч, влетающий в ворота, как раз и есть голова. А вратарь на фоне ворот сам может рассматриваться как их «глава», тем более что отравление предполагает участие «головы» в акте питья.

Обратим еще внимание, что 1-я строка состоит всего из одного предложения, которое на фоне остального текста выделяется своей минимальной краткостью – оно содержит всего 3 слова. А поскольку 1-е предложение и 1-я строка метонимически представляют собой своего рода «голову» стихотворения, то в результате получается еще один пример структурного воспроизведения мотива отсечения головы.

В данном контексте еще раз проявляет себя то свойство, что ключевое слово «футбол» является двойным. Оно получено соединением «foot» и «ball», причем и то и другое по отдельности в стихотворении обыгрывается. Прежде всего это связано с тем, что на картине Джорджоне (на которую очевидным образом ориентируется стихотворение) Юдифь попирает ногой голову Олоферна, а мяч (ball) и голова имеют схожую форму. Об этом уже писалось [Гутрина 2009, с. 205–206], но мы хотим здесь подчеркнуть другое: важно не только то, с чем именно соотносятся разные части слова «футбол», но и само обстоятельство, что соотнесение разных частей слова с разными объектами актуализует мотив расщепления, деавтоматизирующий двойную структуру слова.

В последней строфе упоминается, как Юдифь «глумится» над трупом Олоферна. Однако в картине Джорджоне, которая здесь

подразумевается, Юдифь ставит свою ногу не на обезглавленное тело (оно вообще не показано), а именно на голову. Такое несоответствие (в стихотворении говорится о трупе, т. е. теле, а согласно картине действие относится к голове) может быть понято как еще один пример разделения, рассечения, осуществляемого средствами текста. В предшествующей строфе голова катится к ногам. Надо полагать, что голова катится именно к ногам толпы (перед этим упомянутой), то есть и здесь разные части (голова и ноги) относятся к разным объектам, тем самым средствами текста передается рассечение.

При этом прилагательное «тупая», относящееся к голове, может быть понято как противопоставление не эксплицитованному «острому», значимость которого подразумевается из-за отсечения головы мечом. В данном контексте неожиданно двусмысленным становится и «лицемерный» характер глумления Юдифи, которая ставит ногу на отрубленную голову Олоферна. Здесь актуализуется «лицо» как часть слова «лицемерно». А поскольку лицо – это часть головы, то между умерщвленным врагом и мстительницей устанавливается «неизъяснимое» родство. Кроме того, касаясь отрубленной головы не просто ногой, а ее «кончиком», Юдифь как бы наличием целого «кончика» демонстрирует превосходство убийцы над жертвой, у которой отрублена как раз окончательность тела.

Если обобщить наблюдения, представленные выше, то получается, что соотношение «голова – тело / ноги» представлено трижды: мяч и футболисты, голова и окружающая толпа, убийца и жертва. Причем это сделано таким образом, что зрители действия или сама убийца, с одной стороны, и жертва – с другой, предстают как части виртуально единого, но в реальности разрубленного объекта. То есть декапитация относится не к одной лишь жертве, а оказывается структурным инвариантом мира стихотворения. Дополнительно на значимость обсуждаемого свойства указывает то обстоятельство, что в библейском сюжете ряд важных деталей был представлен иначе. Не было никакой толпы, убийство было совершено скрытно, враги не обступали убийцу и жертву. Внеся соответствующие изменения, Мандельштам придал рассечению универсальный характер.

По замечанию Л. Гутриной, «морфема “фут”, переводимая как “ступня”, дает толчок возникновению новых семантических ходов в 3–4 строфах» [Гутрина 2009, с. 206]. Примеры звукописи, приводимые Л. Гутриной по этому поводу, касаются русского языка. Вместе с тем в тексте проявляет себя и скрытое двуязычие, связанное со «ступней». А именно в сочетании «“(…) К ногам тупая голова”» значимо то, что по-английски «тупой» (в смысле

«глупый») – это *stupid*. Это слово оказывается медиатором между стоящими в тексте рядом «ногами» (*ступнями*) и «тупой», что являет собой пример поэтики «отсутствующих звуко-смысловых посредников» [Двинятин 2007]. В контексте сюжета о соотношении целого и части, находящейся на конце тела, значимо также то обстоятельство, что ступня представляет собой именно конец ноги. В сюжете о Юдифи часть отсекается от целого, т. е. объект оказывается жертвой. В футбольном сюжете ступня как часть ноги, бьющая по мячу, относится к «агрессору».

Еще один скрытый двуязычный каламбур присутствует в 1-й строке 3-й строфы. Два слова на русском языке – «толпа» и «сгрудиться» – по-английски передаются одним – *crowd*, причем между ним и «сгрудиться» существует созвучие. При этом два разных слова «сгрудились» в одно.

Слово «гол» (*goal*), ключевое как для реального футбольного поединка, так и для данного стихотворения, отсылающего к сюжету об отсечении «голова», означает «цель». Но тогда получается ряд значимых структурных соответствий. С одной стороны, в библейском сюжете отсекается голова. С другой – *целое* слово «голова» в тексте как бы подвергается рассечению, в результате которого появляется «гол». Более того, «цель» в стихотворении так и не достигается, поскольку футбольный сюжет не получает целостного завершения. Текст прерывается, гол, по-видимому, так и не забит, хотя до победного завершения остается совсем чуть-чуть: мяч еще не влетел в «неохраняемый шатер», т. е. ворота, которые не защищает «отравленный» вратарь (выдвинувшийся от ворот; по-видимому, его обвел кто-то из нападающих – см. далее). Тем самым «обрубленным» оказывается не только текст (см. выше), но и сам футбольный сюжет. Слово «гол» присутствует в стихотворении также и в неявном виде: «глумилась» намекает на «изгалялась».

Еще один каламбур такого рода связан с двусмысленным в данном контексте словом «кубок». Оно отсылает к английскому *cup*, что в свою очередь намекает на *декапитацию*. Причем отсечение головы упоминается как раз в строках, где говорится о процессе питья из кубка. Прерывание процесса («не допив...») может здесь рассматриваться как аналог рассечения, сразу после которого и «покатилась (...) голова». То, что отрубленная голова остается «мучительно-живой», указывает, что жизнь не переходит сразу в смерть, а они сосуществуют как половинки разрубленного целого.

Тема питья, отравления в стихотворении возникает дважды: «телохранитель был отравлен», «Не допив кубка». В обоих случаях это связано с убийством – отравлением в первом случае

и отсечением головы во втором. Но поскольку здесь на это накладывается мотив игры («телохранитель как вратарь»), то в таком контексте можно усмотреть здесь еще один двуязычный (причем не прозвучавший) каламбур: «вино» как напиток и win как «выиграть». Соответственно, «отравленный» вратарь – это вратарь, которого обыграли, в результате чего ворота перед игроком и оказались незащищенными («неохраняемый шатер»). Если учесть обсуждаемую двуязычную звуко-смысловую игру, то попутно разрешается парадокс, согласно которому в стихотворении «мотив отравления, текстуально увязываемый с конкретным культурным сюжетом, самим этим сюжетом не мотивирован» [Шиндин 1997, с. 227]. То, что выглядит как аномалия при «одноязычном» прочтении стихотворения, становится вполне системным при прочтении двуязычным.

Указанное выше обстоятельство является лишь одним проявлением общего свойства двойственности, связанного с мотивом рассечения на две части. В том числе это касается и такого абстрактного, казалось бы, свойства, как двусмысленность, которая может проявляться на уровне реалий. Например, кубок как чаша и кубок как приз, за который может идти игра в спортивных соревнованиях. «Тупая» в смысле физических свойств и «глупая». «Удары отбивал боксер» – здесь переплетаются box как бить кулаком и box ящик, коробка (внутри которой находится сетка ворот). Двойственность присутствует и в двусоставных (помимо «футбола») словах. В данном контексте это – вратарь, что на английском передается двусоставным словом goalkeeper. Кроме того, сюда относятся слова, в которых 1-я часть нейтрализует вторую, т. е. соответствующее свойство как бы отсекается: «обезображен», «обесславлен», «беззащитная». Наконец, это просто слова, полученные соединением двух других – например, «толстокожий», «телохранитель». (Надо полагать, что в упомянутом выше примере «боксер» – это не вратарь, а штанга или перекладина. Действительно, именно это оправдывает определение «тяжеловес»: тот, кто почти не сдвигается под действием ударов. Это также согласуется с интерпретацией, которая была дана выше: игрок обыграл вратаря и вышел к пустым воротам, но промахнулся и попал не в них, а в штангу.)

Как известно, мотив разрубания имеет мифологические истоки и связан с прохождением через временную смерть с последующим возрождением [Пропш 2000, с. 74–76]. В частности, это относится к декапитации [Фрейденберг 1997, с. 80–81]. Сходный мифологический смысл имеет игра [Фрейденберг 1997, с. 86]. Однако в стихотворении представлен мотив разрубания, рассечения без последующего синтеза и возрождения. Рассечение имеет универ-

сальный характер: оно оказывается приложимо практически ко всем элементам мира, представленного в произведении.

Из сказанного выше следует, что футбол был использован Мандельштамом как потенциальный семиотический объект, т. е. объект, изначально обладающий семиотическими свойствами, присутствие которых чутко уловил поэт. (Другой пример объекта такого рода – зеркало [Левин 1998].) В данном случае исходный объект имеет не материальную, а также семиотическую природу, т. е. семиотические свойства выводятся не из материальных, а из семиотических же (нижнего уровня, т. е. менее абстрактных). Ключевое свойство здесь – двойная структура, свойственная предмету поэтического описания и неоднократно воплощенная различными способами. Уже тот факт, что футбол представляет собой игру двух команд друг против друга, означает структурное «расщепление» на две половины (это же относится и к разбиению футбольного поля). В данном случае оно продублировано двойным словом «футбол». А погружение английского слова в русский контекст дало языковое удвоение. В этом смысле присутствие двуязычных каламбуров мотивировано не только английским происхождением футбола и соответствующих терминов, но и (на более глубоком уровне) двойной структурой текста и его элементов.

В данном контексте потенциально был значим и сюжет о Юдифи и Олоферне, поскольку в нем сочетаются мотив расщепления и зрительное сходство головы и мяча. Кроме того, тут, по-видимому, сыграла роль близость словесных обозначений ключевых аксессуаров футбольной игры и данного сюжета – *мяча* и *меча*.

Надо полагать, структурный дуализм проявил себя еще одним образом: он послужил одной из главных причин того, что появилось два «Футбола». В этом отношении появление здесь двойчатки (одно из первых у Мандельштама) мотивировано не только общими чертами его поэтики, но и семантикой самого произведения.

Таким образом, Мандельштам использовал изначальные семиотические свойства двух объектов (футбола и библейского сюжета) и их сходные элементы как строительный материал для индивидуального поэтического произведения.

Данное стихотворение примечательно еще вот в каком отношении. Как известно, Мандельштам почти не знал английский язык [Левина, Никитаев, 1997]. Тем более удивительно, что именно этот язык стал здесь смысловой основой, включая межъязыковые каламбуры (другие примеры каламбуров с английским языком присутствуют в «От сырой простыни...» [Заславский 2015]). Это обстоятельство может представлять самостоятельный интерес с точки зрения изучения психологии поэтического творчества.

Обсуждаемое стихотворение в явном виде доказывает реальность существования такого явления, как «псевдооборванный текст» [Заславский 2006]. Это означает, что формально текст оборван, но именно такой обрыв семантизируется и воплощает художественную идею произведения, так что на самом деле художественное произведение является целостным. Зачастую оказывается, что решить вопрос о том, закончено то или иное произведение, непросто, и требует весьма изощренных аргументов. В этом отношении данный случай является ценным еще и в том смысле, что представляет собой «точно решаемый пример» такого явления.

Футбол

Рассеен утренник тяжелый,
На босу ногу день пришел;
А на дворе военной школы
Играют мальчики в футбол.

Чуть-чуть неловки, мешковаты,
Как подобает в их лета, –
Кто мяч толкает угловатый,
Кто охраняет ворота'...

Любовь, охотничьи попойки –
Всё в будущем, а ныне – скорбь;
И вскакивать на жесткой койке
Чуть свет, под барабанов дробь!

Увы: ни музыки, ни славы!
Так, от зари и до зари,
В силках науки и забавы
Томятся дети-дикари.

Осенней путаницы сито.
Деревья мокрые в золе.
Мундир обрызган. Грудь открыта.
Околыш красный на земле³.

1913

Как и в 1-м «Футболе», в данном стихотворении (в автографе – «Второй футбол»; далее для краткости мы используем обозначения

³ *Мандельштам О.* Указ. соч. С. 289.

Ф1 и Ф2) проявляют себя звуко-смысловые каламбуры, в том числе двуязычные. В 1-й строфе упоминаются мальчики, играющие в футбол. Но по-английски «мальчик» – «boy», что актуализует мотив боя, поддержанный «военной школой» в той же строфе.

Несколько загадочное сочетание «На босу ногу день пришел» может быть понято как то, что день *наступил*. А это, в свою очередь, актуализует не только мотив ноги, значимый в связи с футболом, но и, более конкретно, указывает на ступню. Л. Гутрина уже приводила целый ряд примеров в Ф1, где ступня также была представлена косвенным образом [Гутрина 2009, с. 206]. В данном же случае можно еще заметить, что по-английски «босая нога» – «bare foot», т. е. буквально *голая*, что в свою очередь через посредство сочетания «гол» отсылает к мотиву футбола.

В последних двух строках неявно присутствует *ворот*. Это относится и к мундиру с открытой грудью, и к околышу фуражки, своими очертаниями напоминающему воротник. А из слова «околыш» вычленяется «коло», указывающий на круглую форму. При этом красный цвет указывает на кровь, что опять-таки вводит мотив декапитации.

Брызги на мундире справедливо связываются с каплями крови через красный цвет околыша [Кобринский 2013, с. 120]. Но тут есть еще одна линия: «барабанов дробь» и капли (брызги) – drops. Помимо звукового сходства, здесь есть и сходство структурное: в обоих случаях реализуются дискретные мелкие элементы, разделенные небольшими промежутками. Это усилено тем, что брызги получаются как бы из сита, т. е. устройства, в котором есть масса мелких дырочек. А поскольку «барабаны» в контексте стихотворения метонимически представляют военную машину (частью которой должны стать учащиеся), то прочерчивается линия от государственной военной машины к будущим убийствам и смерти.

Роль языка как подтекста имеет и другие проявления. В 3-й строфе говорится о *будущем*, и тут же описывается процесс *побудки* (без называния этого слова). Кроме того, слово «будущее» своим написанием *future* напоминает о *футболе*.

Как и в Ф1, в Ф2 значима дуальная структура. Однако, в отличие от Ф1, здесь в основном представлены объекты, не расчлененные на две части, а состоящие из двух не отделимых друг от друга частей. Наиболее ярко это проявляет себя в 4-й строфе. Сюда можно отнести сочетание двух тесно связанных гипотетической ситуацией элементов – «ни музыки, ни славы!». Далее указывается временной промежуток, отмечаемый двумя тождественными вехами: «от зари и до зари». Упоминаются двойные силки: «в силках науки и забавы». И, наконец, сами персонажи являются двойными: «дети-

дикари». В 5-й строфе присутствуют «деревья мокрые в золе». Но вымокли деревья от дождя, зола же – результат действия огня. С учетом сделанных наблюдений представляются неслучайными и соответствующие примеры из предшествующих строф. «Чуть-чуть неловки, мешковаты»: здесь представлены два связанных друг с другом свойства, которые отмечены двойной же характеристикой меры (чуть-чуть). Мяч (т. е. округлый предмет) одновременно оказывается «угловатым». Желаемое будущее включает два элемента: «Любовь, охотничьи попойки». «Вскакивать на жесткой койке» приходится «чуть свет», т. е. когда свет и тьма еще не разделились.

Сопоставление обоих «Футболов» показывает, что в Ф1 доминирует рассечение, в Ф2 – целостность. Однако это отнюдь не означает, что миру Ф2 гармоничность свойственна в большей степени, чем Ф1. Если в Ф1 убийство отнесено в прошлое как первообраз, то в Ф2 оно ожидается в будущем. В Ф1 это – эксцесс, в Ф2 – система, планомерная подготовка к участию в войне. Заканчивается Ф2 прозрачным намеком на казнь путем отсечения головы. В Ф1 значима ситуация, где полководец – уже жертва декапитации; в Ф2 же намек на декапитацию относится к будущим «полководцам», быту которых и посвящено произведение. Таким образом, Ф1 и Ф2 оказываются в существенных отношениях дополнительными друг к другу. Но зловещий образ, связанный с отсечением головы, оказывается для них общим, соединяя прошлое, настоящее и будущее. Причем на фоне Ф1, где рассечение является структурным инвариантом, целостность элементов Ф2 (до финальной скрытой декапитации) можно рассматривать как значимое, причем лишь временное отсутствие рассечения. Парадоксальным образом именно рассечение как структурное свойство объединяет оба текста в единое целое.

Литература

- Акмальдинова, Лекманов, Свердлов 2014 – Акмальдинова А., Лекманов О., Свердлов М. «Одна игра английская...». Футбол в русской поэзии Серебряного века // Новый мир. 2014. № 7. С. 156–174.
- Гутрина 2009 – Гутрина Л. «Футбол» и «Второй футбол» – первая «двойчатка» Осипа Манделштама // Миры Осипа Манделштама. IV Манделштамовские чтения: Материалы международного научного семинара, 31 мая – 4 июня 2009 г. Пермь–Чердынь. Пермь: Пермский гос. пед. ун-т, 2009.
- Двинятин 2007 – Двинятин Ф. Из заметок по поэтике Ахматовой // На меже меж голосом и эхом. Сборник статей в честь Татьяны Владимировны Цивьян. М.: Новое издательство, 2007. С. 31–43.

- Заславский 2015 – *Заславский О.* О стихотворении О.Э. Мандельштама «От сырой простыни говорящая...»: язык как подтекст в качестве структурного принципа // *Toronto Slavic Quarterly*. 2015. № 54. С. 177–184.
- Заславский 2006 – *Заславский О.* Структурные парадоксы русской литературы и поэтика псевдооборванного текста // *Sign systems studies*. 2006. № 34 (1). С. 261–269.
- Кобринский 2013 – *Кобринский А.* О Хармсе и не только: статьи о русской литературе XX века. СПб.: Свое издательство, 2013.
- Левин 1998 – *Левин Ю.И.* Зеркало как потенциальный семиотический объект // *Левин Ю.И.* Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 559–577.
- Левина, Никитаев 1997 – *Левина Т., Никитаев А.* «Любил, но изредка чуть-чуть изменял». Заметки Н.Я. Мандельштам на полях американского «Собрания сочинений» Мандельштама // *Philologica*. 1997. № 4. С. 169–199.
- Левинтон 1979 – *Левинтон Г.* Поэтический билингвизм и межъязыковые явления // Вторичные моделирующие системы. Тарту, 1979. С. 30–33.
- Пропп 2000 – *Пропп В.* Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2000.
- Фрейденберг 1997 – *Фрейденберг О.* Поэтика сюжета и жанра. М.: Лабиринт, 1997.
- Шиндин 1997 – *Шиндин С.* Акмеистический фрагмент художественного мира Мандельштама: метатекстуальный аспект // *Russian Literature*. 1997. Vol. XLII. № 2. С. 211–258.
- Шиндин 2000 – *Шиндин С.* К интерпретации стихотворения Мандельштама «Сохрани мою речь навсегда» // Поэзия и живопись. Сборник трудов памяти Н.Г. Харджиева. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 640–650.

References

- Akmal'dinova, A., Lekmanov, O. and Sverdlov, M. (2014), “‘One English game...’ Football in Russian poetry of Silver age”, *Novyi mir*, vol. 7, pp. 156-174.
- Gutrina, L. (2009), “‘Football’ and ‘Second Football’ – the first twin kernel of Osip Mandelstam”, *Miry Osipa Mandel'shtama. IV Mandel'stamovskie chteniya: Materialy mezhdunarodnogo nauchnogo seminara, 31 maya – 4 iyunya 2009 g. Perm' – Cherdyn'* [Worlds of Osip Mandelstam. IV Mandelstam Conference. Proceedings of the international scientific seminar, May 31 – June 4, 2009 Perm' – Cherdyn'], Permskii gos. ped. un-t, Perm', Russia.
- Dvinyatin, F. (2007), “From the notes on the poetics of Ahmatova”, *Na mezhe mezh gosom i ekhom. Sbornik statei v chest' Tat'yany Vladimirovny Tsiv'yan* [On the border between Voice and Echo. Collection in the honour of Tat'yana Vladimirovna Tsiv'yan], Novoe izdatel'stvo Moscow, Russia, pp. 31-43.
- Freidenberg, O. (1997), *Poetika syuzheta i zhanra* [Poetics of plot and genre], Labirint, Moscow, Russia.

- Kobrinskii, A. (2013), *O Kharmse i ne tol'ko: stat'i o russkoi literature XX veka* [On Kharms and otherwise. The papers on Russian literature of 20th century], Svoe izdatel'stvo, Saint Petersburg, Russia.
- Levin, Yu.I. (1998), "Mirror as a potential semiotic object", in Levin Yu.I., *Izbrannye trudy. Poetika. Semiotika* [Selected works. Poetics. Semiotics], Yazyki russkoi kul'tury, Moscow, pp. 559-577.
- Levina, T. and Nikitaev, A. (1997), "'Loved, but occasionally twotimed a little.'" Notes of N.Ya. Mandelstam on the margins of the American Mandelstam Collected Works", *Philologica*, vol. 4, pp. 169-199.
- Levinton, G. (1979), "Poetic bilingualism and inter-language phenomena", *Vtorichnye modeliruyushchie sistemy* [Secondary Modeling Systems], Tartu, Russia, pp. 30-33.
- Propp, V. (2000), *Istoricheskie korni volshebnoi skazki* [Historical roots of the fairy tale] Labirint, Moscow, Russia.
- Shindin, S.G. (1997), "Akmeistic fragment of artistic world of Mandelstam: metatextual aspect", *Russian Literature*, vol. XLII, no. 2, pp. 211-258.
- Shindin, S.G. (2000), "On interpretation of the Mandelstam poem 'Keep my speech forever'", *Poeziya i zhivopis'. Sbornik trudov pamyati N.G. Khardzhieva* [Poetry and painting. Collection of works in memory of N.G. Khardzhieva], Yazyki russkoi kul'tury, Moscow, Russia, pp. 640-650.
- Zaslavskii, O. (2015), "On Mandelstam's poem "From a damp sheet she speaks". Language as a subtext in capacity of a structural principle", *Toronto Slavic Quarterly*, vol. 54, pp. 177-184.
- Zaslavskii, O. (2006), "Structural paradoxes of Russian literature and poetics of pseudo-broken text", *Sign systems studies*, vol. 34 (1), pp. 26-269.

Информация об авторе

Олег Б. Заславский, доктор физико-математических наук, Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина, Харьков, Украина; 61022, Украина, Харьков, пл. Свободы, д. 4; zaslav@ukr.net

Information about the author

Oleg B. Zaslavskii, Dr. of Sci. (Physics and Mathematics), V.N. Karazin Kharkov National University, Kharkov, Ukraine; bld. 4 Svoboda Square, Kharkov, Ukraine, 61022; zaslav@ukr.net